

Полина Денисова

ИМЯ НА БУКВУ "R"

18+

Полина Денисова
Имя на букву "R"

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Денисова П.

Имя на букву "R" / П. Денисова — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Главной героине этой истории всего пятнадцать, но ее тайны уже вполне взрослые. Но как же сложно сохранить в секрете от домашних беременность! Увы, беременная малолетка оказывается не нужна никому - оставшись один на один со своей проблемой, девочка решает ее так, как умеет.

В то лето Яна привезла из деревни два страшных секрета, надежно прикрытых двумя тугими футболками. Первый: у нее появилась татуировка. И второй: она была беременна.

Она вернулась тогда в город раньше обычного – было лишь начало августа, хотя обычно Яна оставалась у бабушки почти до первого сентября. И дело было вовсе не в осатанелых августовских комарах, и уж конечно не в том, что она собиралась целый месяц готовиться к школе.

В ванной, рассматривая в зеркало свое левое плечо, Яна в который раз беззвучно кричала: зачем, ну зачем? Зачем она сделала эту ужасную татуировку? Неровная, вся какая-то перекошенная, совершенно непрофессиональная, татуировка всего за несколько недель почти свела ее с ума. Но самое ужасное было в том, что вместо задуманной русской буквы «Я», на плече красовалась глупая латинская «R». Вспоминая всю эту бредовую идею с татуировками, Яна все никак не могла понять – что же нашло тогда на них обеих, на нее и на ее шестнадцатилетнюю двоюродную сестру Ленку? Кому вообще пришла в голову эта безумная идея делать наколки, да еще самим себе? Но дело было сделано – У Ленки на плече появилась ровненькая буквосочетание «Л», а Яна получила кривобокую и неоднозначную «R».

Яна помнила общую атмосферу того безумного вечера. Разгоряченные пивом, дико хохочущие, они забрались тогда с Ленкой на чердак и все не могли остановиться от смеха, а снизу на них громко кричала бабушка, но от этого становилось лишь смешнее. Так, под залиvistый незлобный мат бабушки, которая не могла добраться до них по шаткой лестнице, булавкой и синими чернилами из сельмага, без малейшего намека на стерильность, они и накололи свои нехитрые девичьи амбиции на свои голые плечики. Ориентируясь на все время дрожащее зеркальце, которое дико хохочущая Ленка все не могла держать ровно, Яна, которая была в тот вечер главным мастером тату, и сделала свою позорную и роковую ошибку – вместо «Я» у нее получилось «R» – такую уж злую шутку сыграло с ней зеркальное отражение. Наутро, притихшие и получившие крепкий нагоняй от бабушки, обе в футболках с длинными рукавами вместе привычных маек, они пытались найти хорошее в плохом: зато будет память.

Уже через несколько недель Яна поняла, что память у нее будет не только из-за татуировки на плече – в ту пьяную и лихую неделю случилось и еще кое-что, и вспоминать об этом ей было противно и очень-очень страшно. Теперь она уже все прекрасно понимала – не нужно было подыгрывать тогда Ленке в этой дикой и безумной игре, которую они затеяли на пляже возле деревенского пруда. Так, когда Ленка, которая всегда была душой компании и считалась красавицей, предложила играть в карты на раздевание, парни поддержали охотно, а она, четырнадцатилетняя, сначала застеснялась и даже подумывала потихоньку сбежать домой. Но слишком зазывно хохотала Ленка, слишком приятно бодрило пиво и слишком хотелось ей, Яне, тоже быть взрослой, смелой и независимой.

И скоро она и действительно почувствовала себя смелой и дерзкой, сидя с голой грудью перед тремя деревенскими парнями. Ленка осталась тогда в чем мать родила, и Яна помнила, как позже она, пьяная и голая, танцевала возле кромки воды у пруда. Сама она тоже сильно опьянела тогда от еще непривычного пива, и позднее Яна почти клялась, что просто-напросто уснула тогда на раскаленном песке, и ни палящее солнце, ни дикие крики, ни двусмысленные взгляды деревенских парней не могли потревожить ее молодой и пьяный сон. Во сне ей было тревожно – что-то тяжелое то наваливалось ей на грудь, то билось тупой болью в животе, и иногда она даже словно бы слышала собственный крик.

Проснувшись Яна от все той же боли в животе. Оглядевшись, она нашла себя все еще на пляже, уже в футболке, а рядом, согнувшись в три погибели и притянув коленки к подбородку, сидела притихшая Ленка.

– Ой, блиин, живот как болит, – Яна с трудом села и огляделась. Ребят уже не было, и оранжевое солнце зависло над лесом, который начинался за полем на той стороне пруда. – А где все?

Ленка молчала и лишь странно и монотонно раскачивалась в такт одной ей ведомому мотиву. Приглядевшись, Яна заметила, что та недавно плакала – на щеках ее застыли серые дорожки от туши, а нос и губы распухли и расплылись.

– А ты чего реवेशь, Лен? – спросила она осторожно.

– А чего мне – смеяться? – огрызнулась та хриплым голосом, и Яна, охая и держась за живот, прямо на четвереньках подползла к ней по песку.

– Так чего случилось-то? Говори давай!

– Так ты что же, и вправду спала все время? – Ленка шмыгнула носом и с недоверием уставилась на сестру.

– Ну, да... спала... Лен, да говори уже, чего ты тянешь-то? Бабушка нас нашла? Домой теперь нас отправит?

– изнасиловали нас, вот что случилось. – Ленка с каким-то вызовом посмотрела на сестру, словно пытаясь произвести на нее эффект. – Из-на-си-ло-ва-ли. Тебя и меня. Обеих. Но ты при этом умудрилась даже не проснуться... Или ты притворяешься, а, Ян?

Такого Яна не ожидала. Выходит, тот сон вовсе не был кошмаром, и все, что ей снилось, происходило на самом деле? В голове еще шумело выпитое пиво, происходящее казалось каким-то постыдным живым кошмаром.

– Как это... изнасиловали? – глупо переспросила она Ленку и закрыла руками рот. К горлу подступила волна рвоты, и Яна едва успела отвернуться, как из нее буквально хлынула отвратительная масса.

Проблевавшись, она доползла до пруда, ополоснула рот, прополоскала кончики своих волос, в которых застряла рвота, и вернулась к сестре. На этот раз она уже не глупила и не задавала ненужных вопросов, лишь коротко спросила:

– Кто?

– Тебя – Лешка, меня – Валерка.

Вечером, лежа вдвоем на широкой железной кровати с восхитительной бабушкиной периной, они не стали говорить о том, что вовсе не так представляли себе свой «первый раз», а вместо этого поклялись никому о случившемся не говорить. Хвастаться здесь было совершенно нечем. Обе прекрасно помнили и голые танцы у пруда, и пиво, и в целом чувствовали себя виноватыми. Засыпая, они все же пришли к выводу, что на самом деле все не так страшно – Ленке уже исполнилось шестнадцать, Яне скоро будет пятнадцать. Нормально. Насильники – Лешка и Валерка – объявились уже на следующее утро и сбивчиво извинялись, ссылаясь на пьянку и очень уж соблазнительные обстоятельства.

– Не, Яна, ну реально... ты мужика-то тоже понимать должна, – напирал восемнадцатилетний Лешка, – Не, ну нельзя же так-то... Не, ну мужика-то чего дразнить... Не, Ян, тебе хоть кто скажет, ты реально сама виновата.

Яна не спорила – виновата так виновата, но видеть Лешку больше не хотела, и когда он, окрыленный безнаказанностью, попробовал было подкатить к ней снова, Яна резко оборвала его. Случившееся, хоть она почти ничего и не помнила, было все же чем-то постыдным, чем-то, что хотелось забыть.

И они забыли. Всего через пару дней, уже без парней, они снова тайком покупали в сельмаге пиво и пили его все на том же чердаке, и именно в один из таких безумных вечеров и появилась идея татуировок.

Несмотря на лихое веселье, каникулы все же решили закончить пораньше, и Лена с Яной засобирались по домам. Бабушка не спорила и не останавливала – держать в узде двух «здоровых безмозглых кобыл», как она их прозвала в то лето, она была не в силах. Так, спрятав под несколькими футболками свои трофеи-татуировки и сговорившись приехать в следующем июне, и разъехались по домам.

Мать обнаружила татуировку в начале сентября, когда утром будила Яну в школу. Увидела, поджала губы и, молча, отправилась за скакалкой. Крик начался потом, когда Яна, с распухшими от хлесткой скакалки ногами уже закрылась в ванной.

– Ты что же это делаешь, тварь? – бушевала мать за дверью, а привыкшая к материным вспышкам Яна лишь потирала свои с детства привычные к экзекуции скакалкой ноги.

Мать работала в ее же школе учительницей по домоводству у девочек, и вряд ли кто мог предположить, что бодрая и всегда дружелюбная и улыбчивая Дина Михайловна дома была настоящим демоном. Отца Яна не боялась – его тихая личность давно растворилась в тяжелом материнском характере.

– А ну, покажи отцу свое искусство! – рявкнула мать вечером, за ужином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.